

А. В. ЦИММЕРЛИНГ
АВТОРЕФЕРЕНТНОСТЬ И КЛАССЫ ПРЕДИКАТИВНЫХ СЛОВ¹

A. V. ZIMMERLING
AUTOREFERENTIALITY AND CLASSES OF RUSSIAN PREDICATIVES

This paper is dedicated to the problem of autoreferentiality, with focus on several constructions with non-agreeing nominal predicatives. Most Russian predicatives taking dative experiencer are autoreferential words oriented to the uses in the 1 p. Sg. present indicative. Some Russian predicates taking dative experiencers are oriented to 2 p. or 3 p. (*так и надо, полно, пусто, неладно, (полезно, вредно, свойственно, несвойственно)*). Those predicatives which take nominative experiencers (*не в своей тарелке, не в духе, навеселе* etc) are not autoreferential and describe situations, where the inner state of X is observed by some Y (either the speaker or the narrator). Some of the predicatives from this group are seldom used in 1 p., while some other predicatives taking nominative experiencers license autoreferential uses, cf. *Я сегодня не в форме* 'I am not in a <good> shape today', but in the prototypical case the subject of the inner state and the subject of evaluation / observer are not coreferential. Different types of the speaker's attitude and different orientation patterns to 1 p., 2 p., 3 p. can be measured by the tools of corpus linguistics.

Keywords: autoreferentiality, predicatives, outward states, inner states, evaluation, person.

Рассматривается проблема автореферентности на материале нескольких конструкций с несогласуемыми именными предикативами. Большинство русских предикативов, чей семантический субъект оформляется дат. п., являются автореферентными словами и ориентированы на употребление в 1 л. ед. ч. наст. времени изъявительного наклонения. В то же время имеются предикативы с дативным субъектом, ориентированные на 2 л. (*так и надо, полно, пусто, неладно*) и 3 л. (*полезно, вредно, свойственно, несвойственно*). Предикативы, чей семантический субъект оформляется им. п. (*не в своей тарелке, не в духе, навеселе* и т. п.), не являются автореферентными словами и отражают ситуацию, где состояние X-а фиксируется другим лицом — Y-м (говорящим или субъектом нарратива). Некоторые из предикативов последней группы почти не употребляются в предложениях с формой 1 л., для других такое употребление возможно (ср. *Я сегодня не в форме*), но в каноническом случае субъект состояния и субъект оценки для них не совпадают.

Ключевые слова: автореферентность, предикативы, внешние состояния, внутренние состояния, оценка, категория лица.

1. Функциональная и формальная грамматики

Понятия лингвистического функционализма и функциональной грамматики в отечественной и зарубежной науке устойчиво ассоциируются со школами исследования, которые сформировались в полемике с доминировавшими в определенный момент

¹ Работа выполнена при поддержке проекта РНФ 16-18-00203 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемого в МПГУ. Я благодарю рецензентов сборника за дискуссию и Т. Е. Янко и М. Я. Дымарского за возможность обсудить фрагменты данного исследования. Ответственность за все недочеты лежит на авторе.

времени концепциями и подходами — генеративной грамматикой Н. Хомского на западе, ср. [Кибрик, Плунгян 1997], и классической структурной лингвистикой в России, ср. [Бондарко 1987]². «Формализм», т. е. совокупность теорий, допускающих рассмотрение механизмов языка вне связи с их функциональным предназначением, рассматривают в качестве альтернативы «функционализму», т. е. совокупности теорий, объясняющих особенности языковой формы ее функциями [Кибрик, Плунгян 1997: 276]. Противопоставление функционализма и формализма поддерживается программными декларациями сторонников этих школ, но их антагонизм, с нашей точки зрения, не абсолютен. Взаимодействие разноуровневых механизмов грамматики нельзя объяснить, не прибегая к категориям семантики, что, с одной стороны, требует уточнения соотношения между формой и значением предложений и / или их компонентов, с другой — формализации принципов семантико-грамматического интерфейса, ср. обсуждение в [Лютикова, Циммерлинг 2017; Циммерлинг 2000a]. Многие ответвления функционализма, в том числе — концепция, разработанная А. В. Бондарко и его соратниками [ТФГ 1987; 1990; 1991], стремятся преодолеть издержки “моносистемного”», в терминах [Бондарко 1987: 7], подхода, ориентированного на рассмотрение замкнутых подсистем языка в заданном порядке и объяснить взаимодействие категорий разного типа и изучить соотношение разных синтаксических конструкций в некоторой семантической области [Бондарко 2010]. Ср. в этой связи В. Раа также анализ категорий лица, неопределенноличности и обобщенноличности, предложенный в работах А. В. Бондарко, Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева [Бондарко 1991; Булыгина, Шмелев 1991; 1997].

2. Структура работы и основная гипотеза

Данная работа посвящена отношению к говорящему и проблеме автореферентности, возникающей в связи с анализом русских несогласуемых именных предикативов. В первой части работы вводится понятие предиката внутреннего состояния, характеризуется понятие автореферентности и выделяются разряды единиц, предикатирующих внутреннее состояние, с точки зрения их ориентации на граммы категории лица. Основная гипотеза состоит в том, что внутренние состояния противопоставлены друг другу в русском языке по признаку, который можно назвать автореферентностью. Внутренние состояния содержат рекурсивную ссылку на свой субъект, при этом одна часть предикатов внутреннего состояния ориентирована на употребление в 1 л. ед. ч. настоящего времени изъявительного наклонения, т. е. в прототипическом случае носителем состояния является сам говорящий (ср. рус. *мне стыдно*)³; такие предикаты далее называются автореферентными. Другая часть предикатов внутреннего состояния в прототипическом случае ориентирована на ситуацию, где говорящий и носитель состояния имеют разную референцию (*Вася лежал в беспамятстве*). Противопоставление автореферентных и неавтореферентных внутренних

² В работе [Бондарко 1987] А. В. Бондарко, тем не менее, подчеркивает преемственность своего подхода и предшествующей традиции.

³ Наличие употреблений в 3 л. типа *Васе стыдно* не является доводом против предлагаемого в данной главе анализа. Как в случае противопоставления перформативных (ср. *я говорю, я верю*) vs неперформативных глаголов (ср. невозможность **я клевету, *я лжесвидетельствую* в актуальном настоящем времени при осуществлении актов клеветы и лжесвидетельствования) в теории речевых актов, ключевое значение имеет наличие предикатов, ключевое значение имеет наличие предикатов, которые не допускают употребления в 1 л. в актуальном настоящем, ср. невозможность **я лежу в беспамятстве* в прямом значении в плане речи.

состояний кодируется в русском языке различением двух конструкций с предикативами: автореферентно большинство предикативов, при которых субъект состояния оформляется дат. п. (*мне грустно, стыдно, все равно*), а неавтореферентно — большинство предикативов, семантический субъект которых оформляется им. п. (*Вася навеселе, Вася в беспамятстве*; ср. ^{??}*я навеселе, *я в беспамятстве*)⁴. Таким образом, противопоставление автореферентных vs неавтореферентных внутренних состояний кодируется, предположительно, посредством разных комбинаций граммем категории лица и падежа приоритетного аргумента. Во второй части работы обсуждается соотношение между синтаксической схемой и семантикой русских предикативов.

3. Отношение к говорящему, автореферентность и интенциональные состояния

3.1. Понятия автореферентности в лингвистических и нелингвистических работах. В лингвистической литературе термин *автореферентные высказывания* (*auto-referential, self-referential*) используется в значении ‘высказывания, отсылающие к ним самим’ [Булыгина, Шмелев 1997: 453], но сфера его применения неочевидна. Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев обсуждают автореферентность в перспективе анализа парадоксов самофальсификации, ср. *Все люди — лжецы; Идет дождь, но я в это не верю; Данное утверждение ложно; Не слушай ничьих советов; Я не могу сказать ни слова по-русски* и т. п. Авторы приходят к выводу о том, что отсылку к акту произнесения содержат вообще все высказывания и что осмысленная естественно-языковая интерпретация семантических аномалий связана с общими конвенциями общения⁵. В междисциплинарных работах термин *автореферентный* вслед за [Hofstadter 1979] часто используется применительно к объектам произвольного вида, содержащим ссылку на себя, — от алгоритмов до сновидений и художественных текстов, ср. [Каспэ 2017: 106]. Понятия интенциональных состояний, автореферентности и рекурсивности устойчиво связываются друг с другом, ср. [Ярославцева 2013: 216], где утверждается, что автореферентность — условие рекурсии. В лингвистике отождествление автореферентности с рекурсией неоправданно, поскольку понятие рекурсии, в общем случае, характеризует условия ветвления фразовой структуры безотносительно к значению конкретных высказываний [Chomsky 1965; Гладкий, Мельчук 1969: 57]. Вряд ли удачно и смешение автореферентности как свойства высказывания с автологичностью — свойством словесного знака. Автологичность определяется в [Вригт 1986: 451] как вид отношения между именем и его денотатом: ‘*x* является автологическим, если и только если *x* имеет свойство, именем которого является *x*’. Так, например, при некоторых дополнительных соглашениях о том, как измерять длину слов и что именно называть “словом” в языке со словоизменением, английское слово “short” ‘короткий’ может быть признано автологичным, так как оно является коротким. Точно также, русская словоформа “трехсложный” обладает свойством автологичности, так как в ней три слога. Напротив, русские словоформы “трехсложного”, “пятисложный” и т.п. не обладают

⁴ В иных терминах можно было сказать, что первый тип предикатных значений связан с внутренними ощущениями, а второй — с перцептивно воспринимаемыми извне состояниями другого лица

⁵ «Признав автореферентность необходимым свойством любого высказывания, мы получаем возможность анализировать эти <парадоксальные — *А. Ц.*> высказывания как один из видов семантических аномалий, в определенных случаях допускающий переосмысление» [Булыгина, Шмелев 1997: 460].

автологичностью, так как количество слогов в них не соответствует обозначаемому свойству.

Таким образом, при установке на разграничение терминов ‘автореферентность’ и ‘автологичность’ естественной сферой приложения понятия автореферентности являются референциальное значение высказывания или семантика предиката.

3.2. Семантический подход к понятию автореферентности. Наряду с реализованным Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелевым прагматическим подходом к автореферентности, в соответствии с которым отсылка к ситуации произнесения является условием успешности любого высказывания [Булыгина, Шмелев 1997: 460], возможен семантический подход, когда признак автореферентности связывается со структурой значения некоторого класса предикатов. Интерес в этом плане представляют т. н. предикаты внутреннего состояния [Зализняк 1995; 2006: 421], ср. *Х-у грустно, весело; Х навеселе*. Их специфика состоит в том, что они обозначают ситуации, связанные с одушевленным субъектом, не поддающиеся экстенциональной квантификации во внешнем мире [Циммерлинг 1999]. Под экстенциональной квантификацией мы здесь и далее имеем в виду квантификацию объектов по их временным и пространственным свойствам. Согласно определениям предикатов состояния, восходящим к классическим работам Д. Дэвидсона и Г. Карлссона [Davidson 1980; Carlsson 1977; Kratzer 1995] в западной традиции, Л. В. Щербы, Т. В. Булыгиной и О. Н. Селиверстовой в России [Щерба 1928; Булыгина 1982: 39–40; Селиверстова 1982: 121–131], ср. [Матханова 2000; 2005; 2008], состояния — класс локализованных во времени и пространстве ситуаций, которые отражают стабильно воспроизводимые положения дел, не меняющиеся в течение отрезка времени. Внутреннее состояние можно квантифицировать только по его субъекту, а не по параметрам внешней ситуации (локуса)⁶, так как в той же самой точке пространства и в тот же момент времени, где *Х-у грустно*, может найтись *У*, которому *весело*, и *З*, которому *безразлично*⁷. Таким образом, состояние *Все грустно* не существует в отрыве от индивида *Вася* и универсума его состояний.

Встает вопрос, как передается информация о внутренних состояниях индивидов. В работах [Циммерлинг 1999: 226; 2017а: 23] выдвинута гипотеза о том, что в значение предиката внутреннего состояния встроен параметр наблюдателя или субъекта оценки. Возможны два сценария. В первом случае состояние *Х-а* фиксируется наблюдателем *У*, который путем рассуждения или наблюдения заключает, что *Х-у* в момент времени *t* *было грустно*. Во втором случае источником информации является сам носитель состояния, т. е. *Х* сам сообщает о том, что *ему грустно* в момент речи. Второй случай, при выполнении двух условий: а) имя носителя состояния стоит в форме 1 л. ед. ч., б) высказывание стоит в актуальном настоящем времени, — подпадает под семантическое понимание автореферентности как встроенного компонента значения, отсылающего к ситуации произнесения.

⁶ Конкретное состояние *Х-а* в период времени *t* является частью универсума состояний *Х-а*, который поддается квантификации, в отличие от универсума состояний всех индивидов, потенциально возможных в локусе (*s, t*).

⁷ Можно ввести ограничение, по которому в локусе (*s, t*) может быть один и только один приоритетный аргумент — носитель внутреннего состояния. В этом случае квантификация локусов будет возможна только по носителям внутреннего состояния, что приведет к тому же результату.

(i) Предикат внутреннего состояния автореферентен, если в прототипической ситуации субъект состояния выражен формой 1 л. ед. ч. и момент речи t_k принадлежит отрезку $t_0 \dots t_n$, в течение которого описываемое состояние соотносено с данным субъектом.

Различение внутренних состояний по признаку ‘± автореферентность’ имеет смысл в том случае, если для одних предикатов употребления в 1 л. актуального настоящего времени, удовлетворяющие критерию (i), являются регулярными, ср. *мне грустно*, а для других, например *X навеселе*, *X в беспамятстве*, такие употребления маргинальны (ср. *?Я навеселе*), либо невозможны (ср. **Я сейчас в беспамятстве*). Само лексическое значение предиката *быть в беспамятстве* указывает на полностью неконтролируемую ситуацию, что исключает отнесенность к 1 л. в актуальном настоящем. В нарративе⁸ высказывания с местоимением 1 л. ед. ч. в сочетании с предикатом *в беспамятстве* возможны (основной корпус НКРЯ дает 12 примеров), хотя и тут наблюдателем может быть не рассказчик, а другие участники описываемой ситуации:

(1) *Они, возвращаясь домой из того дома, куда меня проводили, нечаянно наткнулись на меня, сидящего согнувшись на улице, и, видя, <Y = наблюдатель>, что я, <X = субъект состояния> в беспамятстве, подняли меня, отвели, или, лучше сказать, отнесли в свою хижину, раздели, разули и положили между собою в постель, где я, успокоенный, обсохший и согретый, сладко уснул.* [В. М. Головнин. Описание примечательных кораблекрушений, претерпенных русскими-мореплавателями (1822)]

Для внутреннего состояния *X-у грустно* основной корпус НКРЯ дает 435 автореферентных примеров с местоимением *мне* уже только в одном синтаксическом контексте — контактной позиции предикатива *грустно* и субъектного местоимения 1 л. ед. ч. дат. п. *мне* на расстоянии $<-1 ; 1>$. Абсолютное количество употреблений в 1 л. само по себе не дает ориентира для анализа семантики, однако, сравнив соотношение употреблений с субъектными местоимениями 1 и 3 л. в одном и том же контексте, мы получаем данные о статистическом профиле разных семантических разрядов предикативов.

4. Предикация состояния и русская грамматика.

Как и другие базовые понятия семантического описания, понятие ‘состояния’ не является интуитивно очевидным и может быть определено только на основе формальной процедуры. Перечисление предикатных лексем или конструкций в некотором языке, ср. знаменитые триады Л.В.Щербы — “/..я весел (состояние) / я веселюсь (состояние в виде действия) / я веселый (качество)” [Щерба 1928; 2008: 90] не заменяет такой процедуры, хотя и может стать стимулом для ее разработки. Равным образом, употребление слова ‘состояние’ в обыденном языке не дает ответа на вопрос, принадлежит ли предикат *я в суртюке* к тому же таксономическому типу, что и *я весел* и *мне весело*, как утверждал тот же Л.В.Щерба [2008: 91]. Точно так же, вопрос о том, являются ли предикаты типа *всем полезно читать книги* или *ему еще далеко до патриарха* то же самое предикатное значение, что и предикаты типа *ему было приятно читать книги*, *ему тяжело нести*

⁸ О понятиях нарратива и настоящего нарративного времени см. [Падучева 1996: 285–296].

сумку, не решается путем апелляции к обыденному сознанию или путем постулирования дополнительных семантических признаков для данных групп — требуется обосновать иерархию признаков, объединяющих и противопоставляющих перечисленные предикаты. Первый шаг в этом направлении в отечественной лингвистике был сделан Т.В.Булыгиной и О.В.Селиверстовой [Булыгина 1982; Селиверстова 1982]. В настоящей главе, вслед за названными работами, а также [Циммерлинг 1998: 81; 2017а; 2017а; 2018в; 2019], мы принимаем отождествление класса ‘состояний’ в традиции, связанной с Л.В.Щербой, с классом актуализованных положений дел (stage-level predicates) выделенным Д.Дэвидсоном и Г.Карлсоном [Davidson 1980; Carlson 1977]. Далее будут обсуждаться только нерезультативные состояния, обозначающие положения дел, которые концептуализуются в естественном языке как концептуально непроеизводные (ср. *мне весело*, *он был навеселе*), в отличие от каузально производных состояний (*окно открыто*) [Матханова 2008]. Для нерезультативных состояний вслед за [Зализняк 1995; Циммерлинг 2017а; 2018б] вводится различие *внутренних* и *внешних* состояний. Внутренние состояния имеют приоритетный (субъектный) аргумент, выраженный одушевленным участником. Внешние состояния лишены такого аргумента и не обязательно связаны с ограничением по признаку одушевленности/неодушевленности. Предложение *Васе надо остыть* <он слишком возбудился> предиктирует внутреннее состояние, так как оно обозначает конкретную локализованную во времени и пространстве референциальную ситуацию, где имеется приоритетный одушевленный участник. Напротив, предложение *пирог надо остыть* ‘надо, чтобы пирог остыл’ не является внутренним состоянием. Изменение границ классов внутренних и внешних состояний в связи с эволюцией дативно-предикативных структур вида $N_{DAT} — V_{LINK} — PRAED$ (далее — ДПС) в истории русского языка обсуждается в [Циммерлинг 2018в].

Л. В. Щерба утверждал, что существует связь между семантикой состояния и морфосинтаксисом русских связочных конструкций с несогласуемыми элементами, которые он счел ядром новой части речи, развивающейся в русском языке, — категории состояния (далее — КС) [1928; 2008: 89]. Ядром КС В.В.Виноградов, Н.С.Поспелов и А.В.Исаченко [Виноградов 1947; Поспелов 1955; Исаченко 1955] объявили предикативы ДПС, причем Н.С.Поспелов признал их безлично-предикативными словами, лишенными форм согласования. Доказательство гипотезы Поспелова возможно при условии, что в парах предложений типа *Становится известным, что Р* vs *Становится известно, что Р* постулируются синтаксические омонимы — прилагательное в тв.п. vs несогласуемый предикатив [Циммерлинг 2017б], альтернативное решение обосновано в работе [Летучий 2018]. Корпусное исследование [Циммерлинг 2018а] показало, что в русском языке XIX — XXI вв. сохраняется диалектное (идиолектное) варьирование в плане употребления творительного предикативного падежа, при этом четкое противопоставление предикативов ДПС однокоренным согласуемым прилагательным устанавливается для статистически преобладающего диалекта, где не допускаются предложения типа **было известным, что Р*.

Все предикативы ДПС при наличии внешне выраженного дат.п. выражают значение внутреннего состояния. Селективность конструкции ДПС и ее ориентацией на выражение значения внутреннего состояния подтверждается наличием единиц вроде *пыльно*, *солнечно*, *алогично*, которые не дают регулярных употреблений типа **мне пыльно*, *солнечно*, *алогично*. Поскольку возможны окказиональные авторские употребления типа

цитируемого в [Матханова 2005: 106] ??*Нам было молодо обоим* (Е.Евтушенко), требуется установить статистический порог регулярности для потенциальных предикативов ДПС. Пороговые величины данного типа были определены нами на базе Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) в работе [Циммерлинг 2017в], где проверялся словарь из 420 единиц. Тот же список тестовых стимулов был проверен в рамках параллельно проведенного социолингвистического эксперимента, который показал значительное внутриязыковое варьирование. Объем и состав активного словаря ДПС у разных носителей русского языка не совпадает, при этом отдельные говорящие употребляют около 300 предикативов ДПС. Ниже в п. 5.2. приводятся данные об употреблении субъектных местоимений 1 л. ед.ч. в НКРЯ по расширенному списку из 479 единиц.

Те предикативы, которые могут выступать в конструкции ДПС ($N_{\text{DAT}} — V_{\text{LINK}} — \text{PRAED}$) в русском языке, не допускают другой указанной Л.В.Щербой конструкции — с подлежащим в им.п. и субъектно-предикатным согласованием (*он был навеселе, они были навеселе*). И наоборот, предикативы ДПС не дают в русском языке реализаций в двусоставной схеме $N_{\text{NOM}} — V_{\text{LINK}} — \text{PRAED}$, ср. невозможность **они были жаль, *она была так и надо* и т.п. Общее число предикативов, употребляющихся в схеме с согласуемой связкой, ранее не подсчитывалось, но по предварительным наблюдениям, сама схема $N_{\text{NOM}} — V_{\text{LINK}} — \text{PRAED}$ используется в русском языке как для выражения значения внутреннего состояния, ср. *Вася был навеселе, Вася был в гневе*, так и для выражения значения внешнего состояния / локализации в пространстве, ср. *Вася был в городе* [Циммерлинг 2018г: 50]. В настоящей статье выдвигается гипотеза о том, что признак автореферентности коррелирует в русском языке с падежной маркировкой подлежащего/субъектного аргумента предикатива:

(ii) Предикативы, требующие в русском языке дат.п. лица, в большинстве случаев автореферентны и ориентированы на употребление в 1 л. ед.ч. Предикативы, требующие в русском языке двусоставной конструкции с подлежащим в им.п., неавтореферентны и ориентированы на употребление в 3 л.

Имеется еще два взаимосвязанных параметра описания предикативных значений, релевантных для описания русских предикативов — *семантический контроль* [Булыгина 1982: 69 — 82; Кустова 2002] и *эпистемическая оценка* [Циммерлинг 1999: 2000: 2019]. Если статальная ситуация семантически контролируема, это значит, что говорящий сам может быть источником информации о своем состоянии, при условии, что предикатив допускает регулярные автореферентные употребления (ср. *мне очень стыдно, мне нужно на работу, мне приятно* и т.п.). Если же ситуация является семантически неконтролируемой, то источником информации о состоянии X-а может быть только другое лицо, Y. При этом обнаружение предикативов, для которых автореферентные употребления невозможны или нехарактерны, ср. проблематичность употреблений вроде ??*Ой, я навеселе, *Ребята, я сейчас в обмороке* и т.п., будет более важным результатом исследования, чем обнаружение контекстов типа *Вася* (Y) *считает, что Пете/мне* (X) *стыдно*, поскольку в русском языке, по-видимому, нет предикативов, которые могли бы употребляться в 1 л. Отдельные предикативы, при которых автореферентные употребления затруднены, могут описываться как эвфемизмы или средства вторичной номинации, ср. предикативы *навеселе* и *не в форме*, используемые в ситуации

алкогольной интоксикации. Однако предикативы, допускающие автореферентные употребления, тоже порой используются как средства вторичной номинации, поэтому без специального анализа неясно, какая именно характеристика — грамматическая (выбор синтаксической модели) или прагматическая (контексты первичной /вторичной номинации) важнее.

Приоритетный актант предикативов ДПС, оформляемый дат.п. лица, имеет в русском языке некоторые свойства, объединяющие его с грамматическим подлежащим [Zimmerling 2009]. Проверка этих свойств связана с построением теории неканонических подлежащих, что является проблемой синтаксического описания, непосредственно не пересекающейся с темой данной статьи, ср. разные версии подобной теории в [Циммерлинг 2012; Летучий 2018].

5. Автореферентность и классы предикативных конструкций в русском языке

Противопоставление предикатов по признаку семантической автореферентности в русском языке распространяется не только на отдельные лексемы типа $\langle X-y \rangle$ *грустно*, $\langle X \rangle$ *навеселе*, но и на предикатные конструкции $N_{\text{DAT}} - V_{\text{LINK}} - \text{PRAED}$ и $N_{\text{NOM}} - V_{\text{LINK}} - \text{PRAED}$, их обслуживающие. Для структуры категории лица ключевое значение имеет противопоставление собственно-личных, дейктических, форм 1–2 л. неличной форме 3 л. В [Дымарский 2017: 63] понятие протодейксиса, т. е. механизм отнесения высказывания к актуальному настоящему времени, связывается суммарно с 1 л. и 2 л., т. е. с ролями говорящего и адресата речи: в режиме диалога роли коммуникантов обратимы. Тем не менее для вычленения автореферентных высказываний и предикатных значений, ориентированных на автореферентные контексты, удобно ориентироваться на разработанную А. В. Бондарко модель, где дейктическим центром высказывания признается именно 1 л. как исходная точка отчета [Бондарко 1991: 26]⁹, ср. понятие дейктического центра у К. Бюлера [Бюлер 1993: 76 — 79] Чтобы исключить семантические эффекты, связанные с включением говорящего в некоторое множество лиц, мы будем далее рассматривать только сочетания предикатов состояния с субъектным аргументом в 1 л. ед. ч.

5.1. Предикативы ДПС и автореферентность. Точное число предикативов ДПС в современном русском языке не может быть установлено без социолингвистического эксперимента и корпусного анализа, поскольку существуют значительные колебания между говорящими и активные словари предикативов ДПС у разных носителей русского языка не совпадают. По данным социолингвистического эксперимента, проведенного нами в 2016 г., средний объем активного словаря предикативов ДПС в группе испытуемых составил 244 элемента, при этом отдельные носители русского языка используют около 300 предикативов ДПС [Циммерлинг 2017в]. Описание аналогичного эксперимента для болгарского языка дано в [Ivanova, Zimmerling 2019]. Анкета социолингвистического эксперимента была использована нами в исследовании на материале основного корпуса НКРЯ. Был составлен частотный словарь предикативов ДПС, ранжированный по показателю *m* («*мне-мера*») в выборке, отражающей число клауз вида *мне Z-во ~ Z-во мне*

⁹ «Персональный дейктический центр, трактуемый в системно-языковом аспекте, представлен в самой системе форм лица, в ее структуре, ориентированной на форму 1-го лица как на исходную точку отчета» [Бондарко 1991: 26].

с субъектным местоимением 1 л. ед. ч. дат. п. *мне* в контактной пре- и постпозиции к предикативу, т. е. в окне <-1; 1>. В общей сложности было проверено 420 стимулов, включенных в анкету социолингвистического эксперимента, и 59 стимулов т. н. компенсированного словаря, не вошедших в анкету [Там же]. Анализ показал, что ненулевые показатели m (от $m = 1$ до $m = 4012$ ¹⁰) в аппроксимативной выборке имеют 318 элементов из 479, в том числе 285 элементов из 420, вошедших в анкету социолингвистического эксперимента (см. табл. 1).

Таблица 1. Число предикативов ДПС, имеющих ненулевые показатели в выборке по запросу *мне Z-во ~ Z-во мне*, по основному корпусу НКРЯ

	Всего стимулов	Число стимулов, имеющих ненулевой показатель $0 < m \leq 4012$ в аппроксимативной выборке в предложениях с субъектным местоимением в 1 л. ед. ч.
Анкета эксперимента	420	285
Компенсированный словарь	59	33
ВСЕГО:	479	318

Автореферентность предикатива ДПС равнозначна ориентации на описание собственного состояния, что предполагает употребление в 1 л. ед. ч. в актуальном настоящем: высказывание вида *мне Z-во* интерпретируется как ‘X сообщает о том, что X в момент речи находится в состоянии p (*Z-во*)’. В силу особенностей русской грамматики — отсутствия материально выраженной связки ‘быть’ в настоящем времени изъявительного наклонения и возможности дистантного расположения предикатива и материально выраженной связки — данные табл. 1 дают представление о числе предикативов ДПС, для которых зафиксировано автореферентное употребление в выделенном контексте, в окне <-1; 1>. С одной стороны, окно <-1; 1> не исключает наличия в выборке по НКРЯ неавтореферентных высказываний вида *мне грустно было / будет / было бы делать P ~ мне было / будет / было бы грустно делать P*, где реализуются формы прошедшего, будущего времен и сослагательного наклонения. С другой стороны, выборка учитывает только примеры с эксплицитно выраженным субъектным местоимением *мне* и игнорирует примеры в настоящем времени, где внешне выраженного субъектного местоимения при предикативе ДПС нет, но референция к 1 л. ед. ч. восстанавливается из контекста.

Корпусные данные в табл. 1 свидетельствуют в пользу гипотезы о том, что все предикативы ДПС или большинство из них имеют автореферентные употребления. Это подтверждается попаданием 318 из 479 элементов (69,5% протестированных стимулов) в аппроксимативную выборку по *мне*-мере, служащую диагностическим контекстом для

¹⁰ Максимальный показатель $m = 4012$ зафиксирован для предикатива ДПС *надо*. Данное число означает, что в очищенной аннотатором выборке по запросу *надо + мне* на расстоянии <-1; 1> оказалось 4012 предложений ДПС вида *мне надо ~ надо мне*, где *мне* является субъектным местоимением при предикативе.

проверки автореферентного значения в актуальном настоящем времени¹¹. Рис. 1 сам по себе не сообщает о том, насколько велика доля автореферентных примеров в статистике каждого предикатива ДПС. Однако, если гипотеза о том, что предикативы ДПС ориентированы на употребление в 1 л. в актуальном настоящем времени, верна, количество примеров с субъектным местоимением 1 л. ед. ч. дат. п. *мне* на расстоянии <-1: 1> от предикатива должно быть не меньше, чем количество примеров с субъектными местоимениями дат. п. 2 л. и 3 л. в аналогичном контексте, см. (iii).

(iii) Для автореферентных предикативов ДПС количество примеров с субъектным местоимением 1 л. ед. ч. дат. п. *мне* на расстоянии <-1: 1> от предикатива в контексте *мне Z-во ~ Z-во мне* должно быть не меньше, чем количество примеров с субъектными местоимениями дат. п. 2 л. и 3 л. на расстоянии <-1: 1> от предикатива в контекстах *тебе / вам Z-во ~ Z-во тебе / вам, ему / ей / им Z-во ~ Z-во ему / ей / им*.

5.2. Неавтореферентные предикативы ДПС. Неавтореферентность предикатива ДПС равнозначна ориентации на описание состояний других лиц. Проверить, ориентирован ли тот или иной предикатив по своему лексическому значению на описание состояний других лиц, можно при помощи критерия (iii).

(iii) Для неавтореферентных предикативов ДПС количество примеров с субъектными местоимениями дат. п. 2 л. или 3 л. на расстоянии <-1: 1> от предикатива в контекстах *тебе / вам Z-во ~ Z-во тебе / вам, ему / ей / им Z-во ~ Z-во ему / ей / им* должно существенно превышать количество примеров с субъектным местоимением 1 л. ед. ч. дат. п. *мне* на расстоянии <-1: 1> от предикатива в контексте *мне Z-во ~ Z-во мне*.

Ориентация предикативов на формы 1, 2 и 3 л. вычисляется в настоящей работе только по употреблению субъектных местоимений в контактной позиции (см. определение), поэтому случаи употребления субъектных именных групп (далее — ИГ) в дат. п., а также случаи дистантного употребления местоимений и случаи отсутствия субъектных местоимений при избранной методике не учитываются. Средняя мера превышения частотности употреблений 1 л. ед. ч. может быть вычислена только в ходе эксперимента, когда будет подсчитана дистрибуция по всем предикативам анкеты. Для целей настоящей работы важно прежде всего отделить предикативы, ориентированные на 2 и 3 л., от общей массы (ориентированной, по предварительной гипотезе, на 1 л.). Поскольку задача ранжировать по частотным диапазонам предикативы, ориентированные на 1 л., нами не ставится, индивидуальный процент употреблений в 1 л. от общего числа примеров с субъектными местоимениями специально обсуждаться не будет.

Критерий (iii) дает надежные результаты для предикативов ДПС с высокой и средней частотностью. В русском языке имеется ряд предикативов ДПС, словарное значение которых заставляет предполагать, что они ориентированы на адресата (2 л.), а не на говорящего (1 л.), ср. <Пусть будет> *X-у пусто*₂ в значении 'Пусть X-у будет сопутствовать неудача', *неладно* 'Пусть X расплатится за свои поступки', *X-у полно* 'X-у следует прекратить делать / говорить P', *слабо* 'X-у явно не по силам сделать P' и *вольнó* 'X по собственной воле предпринял P и теперь расплачивается за это'. Подстановка формы дат. п. субъектного местоимения 2 л. ед. ч. подтверждает, что доля

¹¹ Показатель $m = 1$, т.е. одно *мне*-употребление в аппроксимативной выборке, в общем случае, соответствует большому числу употреблений предикатива ДПС в НКРЯ. Поэтому отсутствие у 30, 5% предикативов *мне*-употреблений не может быть случайным фактом.

неавтореферентных употреблений для данных предикативов существенно выше, чем доля автореферентных. Хотя в НКРЯ встречаются и обращенные к самому себе высказывания вида *пóлно мне делать Р / слабó мне сделать Р*, число употреблений, направленных на собеседника — *пóлно тебе делать Р / слабó тебе сделать Р*, — закономерно выше, и они более стандартны. По критерию (iii) на 2 л. оказываются ориентированными также *полезно* и *вредно*, что без корпусного анализа предсказать было бы трудно¹².

Таблица 2. Неавтореферентные предикативы ДПС, ориентированные на 2 л., по НКРЯ

Предикатив ДПС	Значение	М	2Sg.
		Субъектное мест. 1 л. ед. ч. на расстоянии <-1; 1>	Субъектное мест. 2 л. ед. ч. на расстоянии <-1; 1>
<i>пусто</i> ₂	‘Пусть Х-у будет сопутствовать неудача’	1	30
<i>пóлно</i>	‘Х-у следует прекратить делать / говорить Р’	9	188
<i>слабó</i>	‘Х-у явно не по силам сделать Р’	2	15
<i>вольнó</i>	‘Х по собственной воле предпринял Р и теперь расплачивается за это’	4	15
<i>неладно</i>	‘Пусть Х расплатится за свои поступки’	1	6
<i>полезно</i>	‘Выполнение Р приносит Х-у пользу’	29	40
<i>вредно</i>	‘Выполнение Р приносит Х-у вред’	30	56

Аналогично проверяется статус предикативов ДПС, ориентированных на 3 л.: в качестве базиса проверки выступают примеры с субъектными местоимениями 3 л. ед. ч. м. р. *ему* и 3 л. ед. ч. ж. р. *ей*.

¹² Для оценки того, ориентирован ли предикатив на 2 л. или на 3 л., важны не только абсолютные показатели выгрузки, но и пропорция употреблений во 2 л. и 3 л.

Таблица 3. Неавторереферентные предикативы ДПС, ориентированные на 3 л., по НКРЯ

Предикатив ДПС	Значение	М	3Sg.
		Субъектное мест. 1 л. ед. ч. на расстоянии <-1; 1>	Субъектные мест. 3 л. ед. ч. м. р. и ж. р. на расстоянии <-1; 1>
<i>жирно</i>	‘X не заслуживает Р’	1	3
<i>Х-у присуще <делать Р></i>	‘X по своей природе склонен делать Р’	1	6
<i>свойственно</i>	‘X имеет свойство делать Р’	8	67
<i>несвойственно</i>	‘X не имеет свойства делать Р’	8	12

К неавторереферентным предикативам ДПС, ориентированным на 3 л., относится также фразема¹³ *так и надо*. Ее особенность, отмеченная в [Циммерлинг 2018г : 168], состоит в том, что слабоударное субъектное местоимение в дат. п. обычно ведет себя как эндоклитика, которая вставляется внутрь фраземы, а не как про- и энклитика, занимающая контактную пре- и постпозицию с фраземой. В НКРЯ примеры с эндоклизой типа *так ↓ мне* и *надо, так ↓ ему / ей* и *надо* абсолютно преобладают над маргинальными примерами типа *мне / ему / ей так и надо, так и надо мне / ему / ей*¹⁴. (Здесь и ниже знак ‘↓’ указывает на эндоклитическую вставку.)

Таблица 4. Предикатив ДПС *так и надо*, по НКРЯ

Предикатив ДПС	Значение	Клаузы с про- и энклизой		Клаузы с эндоклизой	
		Проклиза	Энклиза	<i>так ↓ мне и надо</i>	<i>так ↓ ему / ей и надо</i> ¹⁵
		Субъектное мест. 1 л. ед. ч. на	Субъектные мест. 3 л. ед. ч. м. р. и		

¹³ Вслед за [Апресян, Иомдин 2010: 141] мы понимаем фразему как фразеологическое сочетание, которое обладает синтаксической спецификой по сравнению с нефразеологическими сочетаниями. Среди предикативов ДПС фраземой является обсуждаемое в [Там же: 156–162] *все равно*, а также *не по себе*, *(не) по душе*, *(не) по нраву*, *без разницы*, *(не) по силам*, *(не) к лицу*, *(не) с руки*, *(не) в диковинку*, *(не) по пути*, *(не) в кайф*, *по фигу* и некоторые другие элементы. Приближаются к статусу фразем сочетания *все ясно* и *все понятно*.

¹⁴ Вставка субъектного местоимения в дат. п. внутрь фраземы *так и надо* соответствует предсказаниям теории клитик. НКРЯ подтверждает асимметрию слабоударных местоимений и именных групп. Подсчеты производились в 2018 г. На 425 примеров с эндоклизой личного местоимения в НКРЯ приходится единственный пример со вставкой ИГ (*так **Ване** и надо*) и один пример со вставкой неличного местоимения (*так **всем** и надо*). В 23 примерах субъектная ИГ стоит в препозиции / постпозиции к фраземе. В 12 примерах субъектное местоимение в дат. п. стоит в позиции энклизы / проклизы.

¹⁵ На эндоклизу местоимения 2л. ед.ч. при перепроверке выборки в 2019 г. в НКРЯ пришлось 94 примера, против 154 примеров эндоклизы местоимений 3 л ед.ч., что подтверждает ориентацию фраземы *так и надо* на 3 л.

		расстоянии <-1; 1>	ж. р. на расстоянии <-1; 1>		
<i>так и надо</i>	‘Х заслужил свою участь’	1	5 ¹⁶	52	154

5.3. Предикативы, построенные по схеме N_{NOM} — V_{LINK} — PRED. При предикатах, построенных по двусоставной схеме N_{NOM} — V_{LINK} — PRED, семантический субъект оформляется им. п. и попадает в позицию грамматического подлежащего. По данной схеме строятся как внутренние, и так и внешние состояния, что обсуждается ниже в п. 6. К сожалению, словарных описаний предикативов этой группы нет. Предикативы ряда *навеселе*, *подшофе* (*подшафе*), *под мухой* и т. п., указывающие на то, что X находится в состоянии алкогольного опьянения, обсуждаются в русистике как слова категории состояния со времен работы Л. В. Щербы [1928] «О частях речи в русском языке». Все эти элементы можно охарактеризовать как предикаты внутреннего состояния, не обладающие признаком автореферентности и ориентированные на описание ситуации извне либо на описание говорящим собственного состояния в нарративном режиме.

5.3.1. Позиция основного сказуемого. Предикативы, требующие семантического субъекта в им. п., ориентированы на описание состояний других лиц. При предикативах ряда *навеселе*, *подшофе* употребления в 1 л. ед. ч. встречаются лишь спорадически (13 примеров в НКРЯ при 867 примерах в 3 л.), при этом 10 из 13 примеров связаны с нарративом и только 3 — с актуальным настоящим: эти 3 примера они пришлись на фразему *под мухой*¹⁷.

Таблица 5. Предикативы с номинативным субъектом в автореферентных и неавтореферентных контекстах, по НКРЯ

Предикатив	Автореферентные употребления	Неавтореферентные употребления	
	1 л. ед. ч. в актуальном наст.	1 л. ед. ч. в нарративе	3 л.
<i>Навеселе</i>	0	5	569
<i>Подшофе</i>	0	3	48
<i>Подшафе</i>	0	1	7
<i>под мухой</i>	3	1	44
<i>под хмельком</i>	0	0	198
<i>под винтом</i>	0	0	1
Всего	3	10	867

¹⁶ Выгрузка была перепроверена в 2019 г. вручную, что позволило отсеять один омонимичный пример.

¹⁷ Употребления предикатива *под мухой* в 1 л. ед. ч. наст. вр. выглядят стилизованными под чужую речь или устаревшими, ср. контекст, где X без особого успеха опровергает гипотезу Y-а о том, что X «под мухой»:

Я не под мухой, товарищ капитан, — наставительно отвечает Яков, — но по случаю такого случая я действительно сегодняшний день нахожусь под парами, потому как судно готовится в рейс на Одессу, а также мне смешно это дело до без конца... [И. Э. Бабель. Статьи в газете «Заря Востока» (1922)]

При некоторых предикативах иной семантики автореферентные употребления более стандартны. Так, для *Х не в форме*¹⁸ из 11 встретившихся в основном корпусе НКРЯ примеров в 1 л. ед. ч. 5 относятся к актуальному настоящему, ср. (2), а 6 — к нарративу, ср. (3) и (4), где описываются, соответственно, гипотетическая и узуальная ситуации.

(2) *Просто я не в форме, никого не хочется видеть.* [И. Г. Эренбург. Оттепель (1953–1955)] <Х признает, что Х в момент речи не в форме>

(3) *Мамусик (Y) почувствует, что я (X) не в форме.* [Дмитрий Каралис. Роман с героиней // «Звезда», 2001] <В гипотетической ситуации, время которой не совпадает с моментом речи, Y поймет, что X будет не в форме>

(4) *Когда я не в форме, валяюсь на диван-кровать, не в силах даже натянуть набедренную повязку.* [Михаил Панин. Камикадзе // «Звезда», 2002] <Каждый раз, когда р (X не форме), происходит q>

Разницу в употреблении *Х не в форме* и *Х навеселе* можно описать при помощи понятия семантического контроля, введенного Т. В. Булыгиной, ср. [Булыгина 1982: 68–82; Булыгина, Шмелев 1997: 106–107], ср. также [Кустова 2002; Иванова 2016: 364]. Совместимость лексического значения *Х не в форме* с автореферентным употреблением объясняется тем, что данный предикатив описывает денотативные ситуации с более высокой степенью контролируемости по сравнению с предикативами ряда *Х навеселе*. Запрет на автореферентное употребление типа **Я сейчас в беспамятстве*, **Я сейчас без чувств* объясняется тем, что эти предикативы описывают полностью неконтролируемые ситуации, поэтому актуальное настоящее в предложениях с 1 л. ед. ч. при них исключено, в отличие от нарратива, см. выше пример (1).

5.4. Позиции вторичного предиката и приложения. В отличие от предикативов ДПС, многие предикативы, строящиеся по двусоставной схеме и принимающие номинативный аргумент в позиции основного сказуемого, параллельно могут употребляться в позиции вторичного предиката (*Х был навеселе* $\Rightarrow$ *Y застал X-а навеселе*) и приложения, см. пример (5). Во всех подобных случаях предикатив употребляется неавтореферентно, оценка состояния X-а дается другим лицом (Y-м).

(5) *Одним словом, и все_i (Y) в том соглашались_i, это был Крылов_j (X) навеселе_j, зашедший в казарму, в харчевню или в питейный дом.* [Ф. Ф. Вигель. Записки (1850–1860)]

В языке XIX–XX вв. клаузы с вторичной предикацией при элементах при *навеселе* могут вводиться глаголами восприятия *видеть* и *по(казаться)*, субъект которых выступает в роли наблюдателя (Y), оценивающего состояние X-а извне, ср. конструкцию *Y видит X-а навеселе*, *X кажется Y-у навеселе*:

(6) *Действительно, Иноземцев_i (Y) видел_i меня_j (X) раза два навеселе_j, вместе с Шуманским, от которого я в первый раз и узнал вкус водки.* [Н. И. Пирогов. Вопросы жизни. Дневник старого врача (1879–1881)]

¹⁸ Мы насчитали в основном корпусе НКРЯ 103 употребления фраземы *не в форме* (после отсева омонимии).

(7) *Продрогший ванька_i (Y), мечтавший уж не о зароботке, а о душном тепле кабака, несканно обрадовался невесте откуда вынырнувшему барину, тем паче что барин_j (X) показался_i ему_i сильно навеселе_j.* [Борис Васильев. Были и небыли. Книга 1 (1988)]

5.5. Краткое прилагательное *пьян*. В отличие от предикативов ряда *навеселе*, *подшофе*, которые можно считать эвфемизмами или перифрастическими описаниями опьянения, краткое прилагательное *пьян* не имеет ограничений на автореферентное употребление¹⁹. *Пьян* — высокочастотное слово (3407 вхождений в основном корпусе НКРЯ) по сравнению с предикативами, допустимыми в схеме $N_{\text{NOM}} - V_{\text{LINK}} - \text{PRAED}$. НКРЯ по запросу «я + *пьян*» в окне <-1; 1> дает 194 примера, где местоимение 1 л. ед. ч. выступает в роли семантического субъекта предикатива и стоит в позиции подлежащего. 100 из этих примеров автореферентны и описывают ситуацию в актуальном настоящем, а 94 примера относятся к нарративу, причем в 31 случае из 94 описываются узуальные ситуации (*когда я пьян, я лучше вожду машину*) либо непрезентные временные планы (*я был пьян, не буду я пьян*). В 63 случаях из 94 состояние X-а в момент речи описано глазами другого лица, Y-а. Из 63 случаев неавтореферентного употребления в актуальном настоящем в 33 примерах говорящий задает собеседнику или самому себе вопрос, *пьян он или не пьян*: тем самым X либо признает, что не способен определить собственное состояние в момент речи, см. контекст (8), либо не соглашается с мнением Y-а, утверждающего, что X пьян, см. (9).

(8) [Тот, муж] *Это оттого, что я потерял шляпу. Это оттого, что я пьян. Или я не пьян?* [Л. Н. Андреев. Тот, кто получает пощечины. Представление в четырех действиях (1915)]

(9) — *Ты ведь пьян, Алеша. — Я пьян?* — удивился Бурнашов. [Владимир Личутин. Любостай (1987)]

Для формы *пьяна* 1 л. ед. ч. ж. р. статистика НКРЯ более ограничена, но распределение автореферентных и неавтореферентных употреблений сходно.

Таблица 6. Употребления краткого прилагательного *пьян(а)* с местоимением 1 л. ед. ч., по данным НКРЯ

	Автореферентность	Неавтореферентность		
		Актуальное настоящее		Ситуация, отвлеченная от актуального настоящего
		Вопросы	Невопросительные предложения	
<i>пьян</i> + 1 л. ед. ч.	100	33	20	31
<i>пьяна</i> + 1 л. ед. ч.	9	0	6	1

Деепричастные предикативы *выпивши*, *выпимши* ближе к *пьян*, чем к предикативам ряда *навеселе*, но частотность этих слов в корпусах ниже: 614 вхождений в основной корпус НКРЯ, после отсева акциональных употреблений *выпивши* (ср. *выпивши чаю*,

¹⁹ Любопытно, что данный факт не отмечен в корпусном исследовании [Баранов, Вознесенская 2017], посвященном идиоматике пьянства.

водки и т. п.). НКРЯ дает 15 примеров автореферентного употребления *я выпивши / выпимиши* и еще 37 примеров нарративного употребления с семантическим субъектом в 1 л. ед. ч.

5.6. Диагностика семантической автореферентности: предварительные выводы. Корпусный анализ подтверждает, что предикаты внутреннего состояния, построенные по схемам $N_{\text{DAT}} - V_{\text{LINK}} - \text{PRAED}$ и $N_{\text{NOM}} - V_{\text{LINK}} - \text{PRAED}$, противопоставлены в русском языке по признаку семантической автореферентности.

Большинство предикативов ДПС, принимающих дативный аргумент и строящихся по схеме $N_{\text{DAT}} - V_{\text{LINK}} - \text{PRAED}$, — автореферентные слова: состояние X-а в прототипическом случае описывается самим носителем, отражением чего является количественное преобладание высказываний с субъектным местоимением в 1 л. ед. ч. дат. п. в актуальном настоящем над высказываниями с субъектными местоимениями во 2 л. и 3 л. ед. ч. Исключения связаны с теми предикативами ДПС, которые по своему лексическому значению ориентированы на 2 л. (Y желает, чтобы X-у было *пусто, полно, жирно*) или 3 л. (Y утверждает, что X-у *свойственно делать P*; Y полагает, что X-у *так и надо*), отражением чего является количественное преобладание высказываний с субъектным местоимением не 1 л. Частотность большинства предикативов ДПС в НКРЯ достаточна для того, чтобы проверять ориентацию на формы лица и делать вывод о (не)автореферентности предикатива на основе аппроксимативной выборки, где субъектное местоимение в дат. п. стоит в контактной позиции с предикативом на расстоянии $<-1: 1>$.

Среди предикатов внутреннего состояния, принимающих номинативный аргумент, только краткое прилагательное *пьян* сопоставимо по частотности с предикативами ДПС. Это позволяет получить для *пьян* репрезентативные данные на основе аппроксимативной выборки, где субъектное местоимение в им. п. стоит контактно с предикатом. В прочих случаях необходимо проверять всю совокупность употреблений. Предварительные данные показывают, что предикативы, принимающие в русском языке номинативный аргумент, обозначают слабо контролируемые (X *навеселе*) или полностью неконтролируемые (X *в беспамятстве*, X *без чувств*) ситуации, что предопределяет их неавтореферентность, т. е. ориентацию на описание состояний других лиц. Автореферентные употребления в 1 л. ед. ч. в актуальном настоящем времени для таких предикативов невозможны или маргинальны. Относительно регулярны автореферентные употребления у фраземы *не в форме*, краткого прилагательного *пьян* и деепричастных предикативов *выпимиши, выпивши*, но, чтобы определить, ориентированы ли эти предикаты на 3 л. или на 1 л., требуется дополнительное исследование.

Соотношение двух предикатных конструкций внутреннего состояния в русском языке обобщает табл. 7.

Таблица 7. Две предикатные конструкции внутреннего состояния в русском языке

	Предикативы ДПС	Предикативы, требующие двусоставной схемы
Синтаксическая схема	$N_{\text{DAT}} - V_{\text{LINK}} - \text{PRED}$	$N_{\text{NOM}} - V_{\text{LINK}} - \text{PRED}$
Падеж приоритетного актанта	дат. п.	им. п.
Обозначаемые денотативные ситуации	слабоконтролируемые, оцениваемые интроспективно	неконтролируемые и слабоконтролируемые,

		оцениваемые извне
Стандартный тип употребления	автореферентный	неавтореферентный
Ориентация на грамму лица	1 л.	3 л.

6. Синтаксическая схема и семантика русских предикативов

6.1. Категория состояния и семантика состояния. Последователи Л. В. Щербы развивали его гипотезу о КС в двух направлениях. В. В. Виноградов и особенно А. В. Исаченко [1955; 1965: 280] стремились доказать частеречный статус КС и подвести под КС максимальное количество семантически разнородных предикатов. Такой подход вызвал возражения у ряда ученых, которые указали на то, что отсутствие согласования само по себе не является показателем определенной семантики [Шапиро 1955: 47; Sperber 1972; Апресян 1985]. Н. С. Поспелов, напротив, фактически предложил свести КС к классу предикативов ДПС, полагая, что корреляция между семантикой состояния и синтаксической схемой лучше всего выдерживается для безлично-предикативных слов [1955: 59–60]²⁰. Т. В. Булыгина, не принимая гипотезу о КС как о части речи, поддержала объединение безлично-предикативных слов и выражений типа *быть навеселе, наготове, настороже, замужем, начеку, без памяти, без чувств* в рамках общего таксономического типа, поскольку и при предикативах ДПС типа стыдно, грустно, и при предикативах типа навеселе, может обозначаться локализованная во времени единичная ситуация, что и является дефиниционным признаком предикатов состояния [Булыгина 1982: 30–31]²¹. В [Циммерлинг 2017а; 2018б] утверждается, что русские несогласуемые предикативы могут выражать как внутренние, так и внешние состояния, причем все предикативы ДПС выражают внутренние состояния в предложениях с внешне выраженным дат. п. лица. Проверка этой гипотезы связана с предложениями, где дат.п. лица выражен внешне, ср.

²⁰ Характерно, что Н. С. Поспелов полемизирует не только с противниками Л. В. Щербы, но и с расширительным пониманием КС у А. В. Исаченко: "...при таком широком толковании категория состояния теряет свою морфологическую определенность" [Поспелов 1955: 56].

²¹ В русистике базовое понятие «состояние» не всегда определяется эксплицитно, что дает повод для разных терминологических решений. В [Ильенко 2016: 109] утверждается, что общее значение безличных предложений, главный член которых выражается глаголом или словом КС, состоит в назывании процесса или состояния, не зависящих от его субъекта. Значение состояния усматривается также у предложений *Она в обмороке* и *У нее обморок* [Там же: 151]. Л. В. Щерба настаивал на том, что в русском языке значение состояния выражается только словами КС и не может выражаться глаголами. Этот тезис не был поддержан большинством русистов. Уже В. В. Виноградов полагал, что семантические разряды безлично-предикативных слов в основном совпадают с семантическими разрядами безличных глаголов [1972: 324], при этом он не отождествлял безличные предикативы с классом предикативов ДПС. Напротив, Н. С. Поспелов был склонен признать подлинными обозначениями состояния только предикативы ДПС, куда включал в том числе *досадно, обидно, жаль, хорошо* [1955: 62], но критерии, по которым он исключил из этого класса *видно, слышно, возможно, известно*, которые тоже имеют валентность на дат. п. лица, недостаточно ясны. В [Шведова 1982: 704] часть предикативов ДПС — *совестно, стыдно, тошно, любо* — названа обозначениями «внутренних состояний»: этот термин вводится без определения, поэтому неясно, почему другие упоминаемые там же предикативы ДПС, например *весело, грустно, радостно, скучно, смешно, тревожно*, отнесены к другой группе — «эмоциональным состояниям». Наконец, в работе А. А. Зализняк под рубрику внутренних состояний подводятся прежде всего глагольные предикаты ментальной сферы [2006: 424].

Мне/Васе было стыдно признаваться в том, что я/он не читал Якобсона, поскольку указание на конкретного субъекта состояния обычно свидетельствует о реализации актуального значения. При отсутствии внешне выраженного дат.п. лица значение предикативов ДПС может быть другим: так, предложение *Признаваться в том, что ты не читал Якобсона* — *стыдно* имеет семантику обобщенной оценки, относящейся к классу ситуаций, а не состояния, т.е. характеристики конкретной референциальной ситуации.

6.2. Широкое и узкое понимание термина ‘предикатив’. В славистике под рубрику «предикатив» подводится широкий круг употреблений неизменяемых слов, включая те, которые не реализуются в присвязочной позиции, ср. [Исаченко 1965: 282; Торогиšić 1992: 200], но в рамках гипотезы Щербы о связи между грамматическим статусом предикатива / слова КС и выражаемой им семантикой состояния уместно рассматривать только те предикативы, которые употребляются при связке.

6.2.1. Предикативы в узком смысле. Предикативом в узком смысле называют такой несогласуемый неглагольный элемент, для которого употребление в роли сказуемого является единственным и который на синхронном уровне не соотнесен с парадигмами существительных, прилагательных и прочих именных частей речи, ср. [Uhlik, Žele 2016]²². Предикативы в узком смысле реализуются в русском языке в двух схемах — ДПС и схеме с подлежащим в им. п., ср. [_{соп} *Иван и Катя*]_{PL} *были*_{PL} *навеселе*. Ориентированные на схему N_{NOM} — V_{LINK} — PRAED предикативы *навеселе*, *начеку*, *выпивши* — несогласованные элементы, при которых согласование в роде и числе выражается формой связки. Предикативы ДПС лишены согласовательных категорий в принципе [Поспелов 1955: 61; Циммерлинг 20176].

6.2.2. Предикативы в широком смысле. В широком смысле предикативом называют любой несогласуемый элемент, способный выступать в позиции лексической вершины сказуемого. Синтаксическая дефектность предикатива означает неспособность употребляться в позициях подлежащего и дополнений и модифицироваться адъективными и местоименными определениями. Данному критерию не удовлетворяют несогласуемые оценочные слова типа *бой-баба* и *рубаха-парень*, что отмечено в [Апресян 1985]. Статус предикатива (в широком смысле) определяется с опорой на два критерия: а) синтаксическую дефектность; б) возможность включения несогласуемого элемента в словарь предикатной конструкции, т.е. закрытый список единиц, обеспечивающих ее функционирование, что предполагает переход от свободного сочетания к фразеологически связанной единице (фраземе).

6.3. Состояния и отношения. Внутренние состояния обозначают актуальные положения дел, соотнесенные с одушевленным субъектом и не поддающиеся экстенциональной квантификации во внешнем мире. Такие состояния следует отделять от предикатов посессивного (*У Ивана есть мотоцикл*, *У машины есть прицеп*) и непосессивного бинарного отношения. Многие из последних допускают наличие одушевленного участника или даже требуют его в схеме описания ситуации, но одновременно задают ролевое взаимодействие данного участника со вторым актантом, ср. *Ивану (X) нравится Катя (Y)*, *Эти сапоги (Y) малы Ивану (X)*, *Эта задача (Y) слишком трудна для Ивана (X)*. Предикаты состояния не всегда добавляют второй актант. Значения

²² Для присвязочных предикативов субстантивного происхождения проверочным критерием служит смена модели согласования с лексически заданного на дефолтное: *была* (ж.р. ед.ч.) *пора* (сущ., ж.р. ед.ч.) → *было* (ед.ч. ср.р.) *пора* (предикатив, категории рода и числа нет.); ср. [Виноградов 1972: 333].

Х-у нужно делать Р, Х-у страшно можно представить как парафразы выражений, построенных при помощи глубинного предиката ИМЕТЬ: **Х имеет нужду в Y-е*, **Х имеет страх перед Y-м*, но аффект или переживание не являются самостоятельным семантическим актантом. Языки мира иногда позволяют строить производный предикат состояния от предиката бинарного отношения, но для русского языка такая стратегия нехарактерна, поэтому примеры типа (10), где имя аффекта *охота* представлено как актант *прийтись не ко двору*, звучат нарочито искусственно:

(10) *Вы, господа, не смейтесь: охота-то, значит, во мне была, да не ко двору приилась.* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонские рассказы (1883–1884)] <Охота Х-а сделать Р приилась Y-у не ко двору>

Двухместные предикаты, построенные по схеме ‘Х находится в Y-е’, могут обозначать как внешние (*Вчера вечером Вася был в городе*), так и внутренние (*Вчера вечером Вася был в ярости*) состояния [Циммерлинг 2018а: 51]. Термин ‘предикатив’ разумно использовать лишь в последнем случае: элементы типа *быть в городе*, *быть без пальто* и т. п. не образуют закрытого ряда и не могут быть отнесены к словарю, в отличие от элементов *быть в ярости*, *быть без чувств*²³. Л. В. Щерба в ряду слов КС привел и (*он*) *в сюртуке* [Щерба 2008: 91]. Данное выражение можно считать предикатом внешнего состояния, но оно не удовлетворяет дистрибутивному критерию предикатива и используется в позиции несогласуемого определения уровня именной группы, ср. (11а). В данной позиции обозначение внутреннего состояния исключено, ср. аномальность (11б).

(11) а. *На сцену поднялся* [_{NP} человек в сюртуке].
б. **На сцену поднялся человек в бешенстве.*

Все или почти все предикаты внутреннего состояния, построенные по схеме ‘Х находится в Y-е’, в деривационной перспективе могут трактоваться как метафоры внешних состояний, но на синхронном уровне они омонимичны. Ср. внутреннее состояние *быть (совсем) не в форме* в (12а) и внешнее состояние *быть *совсем не в (служебной) форме* в (12б).

(12) а. *Но мужик совсем не в форме, едва ноги передвигает, ему на Аллу нипочем не залезть.* [Андрей Троицкий. Удар из прошлого (2000)]
б. *Он был не в форме, а в штатском.* [Марианна Баконина. Девять граммов пластита (2000)]

Между внутренними состояниями типа (12а) и предикатами отношения типа (12б) есть принципиальное различие, в то время как бинарные предикаты отношения и внешние состояния — перекрещивающиеся типы. Все многоместные внешние состояния (*Х имеет Y-а*, *Х находится в Y-е*, *у Y-а*) одновременно являются предикатами отношения, однако имеются одно- или нуль-местные предикаты внешнего состояния <здесь> *пыльно*, <сегодня> *солнечно*, которые не являются предикатами отношения. В [Циммерлинг 1999:

²³ Количество имен аффектов, которые могут использоваться в данной синтаксической схеме, ограничено емкостью соответствующего класса лексем. Напротив, обозначения места типа *быть в Москве, в городе, деревне, квартире, прихожей* и т. п. образуют открытый для пополнения ряд.

224; 2017a] такие внешние состояния названы «констативами», поскольку предикатный признак принимает одинаковые значения для любого наблюдателя, фиксирующего наличие пыли или солнечного света в данном локусе. Элементы *пыльно*, *солнечно* можно признать предикативами в узком смысле: они реализуются в схеме без согласования и лишены стандартных наречных употреблений. Тот же анализ можно распространить на внешние состояния типа *грязно* (*В доме очень грязно*), у которых есть корреляты в виде наречий (ср. *грязно выругаться*).

6.4. Замужем, в положении, наготове. Л. В. Щерба, не разграничивавший внутренних и внешних состояний, перечислил 9 единиц в ряду $\langle X \rangle$ *навеселе, наготове, настороже, замужем, в состоянии, начеку, без памяти, без чувств, в сюртуке* [Щерба 2008: 91]. *В сюртуке* — не предикатив, но выражает значение отношения / внешнего состояния. *Замужем* обладает дистрибутивными свойствами предикатива и не может выступать в позиции определения уровня ИГ: **на занятие пришла женщина замужем*. Тем не менее по своей семантической структуре *замужем* — не внутреннее состояние, а предикат отношения / внешнего состояния: *X замужем за Y-м* = ‘X имеет Y-а (мужа)’. Сходный анализ можно распространить на предикатив *в положении* в значении ‘X ожидает рождения Y-а (ребенка)’, с тем уточнением, что фраза *на занятие пришла женщина в положении* возможна. И *замужем*, и *в положении* задают второй обязательный семантический актанта, хотя в первом случае его синтаксическая реализация факультативна, а во втором — невозможна.

Предикатив *наготове* (1422 вхождения в основном корпусе НКРЯ) показывает нестандартное соотношение семантики и синтаксиса. Он может обозначать внутреннее состояние и сочетаться с одушевленным участником в позиции подлежащего, ср. (135).

(13) *А что касается нас — то только позови! Мы {+Anim} наготове со своей музыкой.* [Людмила Петрушевская. Лестничная клетка (1974)]

Однако *наготове* употребляется и в позиции вторичного предиката, где относится к неодушевленному дополнению. В этом случае *наготове* — предикат отношения / внешнего состояния.

(14) *Через полчаса все наши лодки выстроены у пристани в одну линию и являют собой красивое и почти внушительное зрелище. Гребцы (X) держат весла {-Anim} (Y) наготове. Впереди расположились гитаристы и запевалы.* [Юрий Елагин. Укрощение искусств (1952)]

Ту же интерпретацию ‘у X-а Y наготове’ имеют примеры, где неодушевленный участник попадает в позицию подлежащего, а одушевленный участник не выражен либо обозначается периферийным актанта у X-а. В частном случае и X, и Y могут быть одушевленными, но предложение все равно выражает значение внешнего состояния, см. (15).

(15) *Недолго она (X) вдовела — меньше года. Видать, жених {+Anim} (Y) <у X-а> был наготове {+Anim}.* [Ю. М. Нагибин. Дневник (1986)]

Таким образом, *наготове* может обозначать как внутренние (13), так и внешние состояния (14), (15). Та же амбивалентность характерна для менее частотного *наизготове* (18 вхождений в основной корпус НКРЯ). Обычно предикатив *наизготове* выражает внешнее состояние, ср. *бежать с автоматом наизготове* в (16а), но встречаются контексты, где он выступает в роли предиката внутреннего состояния, ср. (16б).

(16) а. *С автоматом (Y) наизготове я (X) бежал вдоль края дубняка, скользил между деревьями, нырял под нижние ветви.* [Владимир Богомолов. Момент истины (В августе сорок четвертого...) (1973)] <у X-а Y был наизготове $\Rightarrow$ X бежал с Y-м наизготове>

б. *Тбилисского маэстро из аэропорта привезли прямо в павильон, где сидел оркестр и наизготове стояли хористы (X) с открытыми рта́ми.* [Василий Катанян. Прикосновение к идолам (1998)] <X-ы стояли наизготове>

6.5. Не у дел, в бегах, не ко двору, сродни. В качестве кандидатов на роль КС В. В. Виноградов приводил предикативы *не ко двору, в бегах, на побегушках, на помочах, на посылках, сродни* [Виноградов 1972: 332]. Все они задают отношение между двумя одушевленными участниками и, по предложенным определениям, должны быть отнесены к классу внешних состояний. Перечисленные им в том же ряду предикативы *вне себя, не в себе, вправе, в духе, в состоянии, без задних ног* ‘X очень устал’, *не прочь* ‘X дает понять, что в благоприятном случае готов делать P’ [Там же] имеют семантику внутреннего состояния.

6.6. Ограниченно контролируемые ситуации. Ряд предикативов внутреннего состояния обозначают состояния, которые могут интроспективно оцениваться их носителями, т. е. являются ограниченно контролируемыми. Сюда относятся *не в форме, (не) в духе, не прочь*, на которые, в общей сложности, приходится 1378 вхождений в основной корпус НКРЯ при 172 автореферентных примерах, *настороже* (502 / 4), а также ряд обозначений сильных аффектов и критических состояний психики, в том числе *в ярости* (106 / 7), *в гневе* (144 / 4), *в тревоге* (472 / 12). Такие состояния, с одной стороны, имеют внешнюю симптоматику (Y может заметить, что X побледнел или задрожал от гнева), что облегчает использование их в неавтореферентных контекстах, ср. (17а–б), с другой — являются ограниченно контролируемыми, что допускает автореферентное употребление, ср. (18)–(20):

(17) а. *С минуту стоял он_i (X), дрожа_i от страха и гнева; потом, одумавшись, захохотал, вновь замахнулся в ярости на мертвеца и... разбил ледяную статую вдребезги.* [И. И. Лажечников. Ледяной дом (1835)]

б. *Вернувшись, он (Y) сказал, что тот (X) в ярости.* [Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру (1998)]

(18) *Сейчас я в гневе, потом подумаю и пойму...* [Ольга Новикова. Мне страшно, или Третий роман // «Звезда», 2003]

(19) *Они кумекали-кумекали, говорят — «а мы знаем про это дело, если у Вас сохранился чек — сдавайте». Граждане, я в ярости...* [Наши дети: Малыши до года (форум) (2004)]

(20) а. *Да и я не прочь чуточку перекусить.* [Геннадий Алексеев. Зеленые берега (1983–1984)]

б. *Что же, если она хорошая девушка, я не прочь, — сказал он графу.* [Н. Э. Гейнце. Самозванец (1898)]

Точно определить число русских предикативов, сочетающихся с подлежащим в им.п., и обозначающих ограниченно контролируемые внутренние состояния, трудно по двум причинам. Первая из них связана с невысокой частотностью большинства предикативов данной группы. В ряде случаев ограниченный размер выборки НКРЯ не позволяет сделать окончательные выводы о допустимости автореферентного употребления. Так, высказывание *Я просто в бешенстве* в актуальном настоящем выглядит приемлемым, но в основном корпусе НКРЯ все 15 вхождений предикатива *в бешенстве* (всего 113 примеров) с 1 л. ед. ч. пришлись на нарратив, хотя для *Я в гневе* автореферентные употребления зафиксированы. Размер выборки не позволяет однозначно интерпретировать это распределение как доказательство того, что предикат *Х в гневе* обозначает в русском языке бóльшую степень семантического контроля по сравнению с предикатом *Х в бешенстве*. Вторая причина связана с неполной фразеологизацией ряда предикативов внутреннего состояния, построенных по модели ‘Х в Y-е’: в некоторых случаях они не вполне оторвались от своего деривационного источника — свободных сочетаний на основе предложной группы. Так, наряду с предикативом *в тревоге*, который лишен валентностей на беспредложные дополнения и определения, сохраняются близкие по значению сочетания типа *в тревоге неопишуемой* (В. Ф. Ходасевич, 1931 г.), *в тревоге дикой разобщенности* (С. Буданцев, 1919–22 гг.). Предикатив внутреннего состояния *в расстройстве* ‘Х пребывает в расстроенных чувствах’, ср. (21а), является метафорой состояния хозяйства или военного подразделения, при этом в примерах типа (21б) вне контекста нельзя определить, описывается ли внешнее или внутреннее состояние. Пример (21в) однозначно указывает на внешнее состояние. Наконец, пример (21г) сообщает о *расстройстве чувств*, т. е. демонстрирует свободное сочетание.

(21) а. *Жена моя поправляется плохо, не встает, не двигается, и вот почему я (X) постоянно в расстройстве и утомлении.* [Г. И. Успенский. Письма (1889)]

б. *Как видите, — ответил Палтусов и сразу решил, что муж его доверительницы (X) в расстройстве.* [П. Д. Боборыкин. Китай-город (1882)] ⇒ ‘Х в расстроенных чувствах’ или ‘Хозяйство X-а в расстройстве’

в. *Уж раньше было мое хозяйство все (X) в расстройстве, в разбросе, да и настоящее избаловался насчет вина.* [Г. И. Успенский. Власть земли (1882)]

г. *Находясь в расстройстве чувств, Лоханкин (X) постоянно забывал это делать, что очень возмущало экономных жильцов.* [Илья Ильф, Евгений Петров. Золотой теленок (1931)]

6.7. Автореферентность и схема $N_{\text{NOM}} — V_{\text{LINK}} — \text{PRED}$. Рассмотренные факты позволяют заключить, что схема $N_{\text{NOM}} — V_{\text{LINK}} — \text{PRED}$ используется в русском языке для выражения предикации состояния, но допустимые в данной схеме связочные предикаты лишены единой характеристики по признаку ‘внутреннее vs внешнее состояние’. Бóльшая часть предикативов выражает только внутренние состояния, связанные с состоянием психики или соматики одушевленного субъекта (*навеселе, не в себе, не в форме, не в духе, в ярости*), меньшая — только внешние состояния (*Х у Y-а на посылках, Х в положении, Х замужем*), несколько элементов (*наготове, наизготове*) в зависимости от синтаксического контекста могут выражать как внешние, так и внутренние состояния. Кроме того, предикаты, допускающиеся в схеме $N_{\text{NOM}} — V_{\text{LINK}} —$

PRED, неоднородны по своим морфосинтаксическим и словарным характеристикам: наряду с элементами, удовлетворяющими дистрибутивным критериям предикатива в узком смысле термина, имеются элементы, сохраняющие непредикативные употребления и близкие к свободным сочетаниям (*Х в городе, Х в сюртуке*).

Противопоставление по признаку автореферентности релевантно для внутренних состояний. Внешние состояния лишены приоритетного аргумента и по умолчанию неавтореферентны. Как показано в п. 4, неавтореферентны все предикативы в позиции вторичной предикации (*Х застал Y-а без чувств, навеселе, в гневе*). В такой конфигурации носитель состояния (Y) не выступает в качестве говорящего, сообщающего о своем состоянии в актуальном настоящем. Таким образом, автореферентными могут быть лишь те предложения с предикатом внутреннего состояния, где а) предикатив стоит в позиции основного сказуемого и б) приоритетный аргумент стоит в наивысшей доступной синтаксической позиции (для предикативов, реализующихся в схеме $N_{NOM} — V_{LINK} — PRAED$, это — позиция грамматического подлежащего).

Возможность автореферентного употребления в схеме $N_{NOM} — V_{LINK} — PRAED$ зависит от того, осмысляется ли внутреннее состояние как контролируемое. Как было показано, предикативы, обозначающие полностью не контролируемые субъектом ситуации (*без чувств, в беспамятстве*), не допускают автореферентного употребления. Сходным образом трактуются слабо контролируемые ситуации, обозначаемые предикативами ряда *навеселе*, поскольку лексическое значение предикативов этой группы содержит компонент 'Y оценивает ситуацию, где X находится в состоянии опьянения'. Вместе с тем *пьян, выпилиши, выпивши* совместимы с автореферентным употреблением.

Можно заключить, что среди всех предикатов, строящихся по схеме $N_{NOM} — V_{LINK} — PRED$, автореферентное употребление возможно лишь для одной подгруппы предикативов внутреннего состояния, обозначающих ограниченно контролируемые ситуации. Напротив, неавтореферентность, т. е. значение {-Autoref}, — признак, который данная синтаксическая схема выражает по умолчанию.

Таблица 8. Предикаты состояния, реализующиеся в схеме $N_{NOM} — V_{LINK} — PRED$

Предикативы			Свободные сочетания	
Внутренние состояния			Амбивалентные предикаты	Внешние состояния
В позиции первичного предиката	В позиции вторичного предиката		<i>наготове, наизготове</i>	<i>замужем, в положении, на побегушках, сродни</i>
неконтролируемые и слабоконтролируемые состояния	ограниченно контролируемые состояния	<i>Х застал / увидел Y-а в состоянии Z</i>		
<i>без чувств, навеселе</i>	<i>не прочь, не в форме, пьян, не в духе</i>			<i>в сюртуке, в городе, в комнате, в военной форме</i>

{-Autoref}	{±Autoref}	{-Autoref}	{±Autoref}	{-Autoref}
------------	------------	------------	------------	------------

6.8. Внутренние состояния и предикативы ДПС. Предикативы ДПС соответствуют единому подтипу стативных значений и выражают только внутренние состояния. Процедура проверки этого тезиса, предложенная в [Циммерлинг 2017а; 2017б; 2018б], основана на том, что а) все высказывания, в которых позиция дат. п. лица при предикативе ДПС заполнена местоимением или ИГ с конкретной референцией, выражают актуальные ситуации с одушевленным субъектом, б) русский язык не допускает стандартных употреблений предикативов ДПС с неодушевленным субъектом²⁴, в) отклонения от ожидаемой семантики внутреннего состояния в предложениях с предикативом ДПС связаны с синтаксической омонимией. В русском языке есть 3–4 конструкции с актантом в дат. п., внешне похожие на ДПС. Нет ограничения на одушевленность в дативно-инфинитивных структурах (далее — ДИС), где лексической вершиной является инфинитив. В предложении (22) реализуется редкий для русского языка механизм подъема аргумента из зависимой клаузы ДИС в позицию субъекта главной клаузы.

(22) *Пирог*_i {-Anim} *надо* [_{INP} *остыть* _____i] = *надо* [_{CP} *чтобы пирог остыл*].

Тот же механизм, как показано в [Циммерлинг 2017в], действует в предложениях с полужнаменательной связкой *показаться*, которые допускаются частью носителей русского языка, ср. пример (23а) из А. П. Чехова, при запрете на предложение ДПС **мне было сантиментально и неумно*.

(23) а. *Это показалось мне сантиментально, приторно и неумно, а между тем я находился уже в таком настроении, когда во всем искал прежде всего «глубины мысли».* [А. П. Чехов. Огни (1888)]

б. *мне показалось*, [_{CP} *что это сантиментально и неумно*].

в. **мне было сантиментально и неумно*.

В (22) и (23а) семантика не соответствует значению внутреннего состояния, при этом (22) и (23а) имеют иную синтаксическую структуру, по сравнению с предложениями ДПС: дативный аргумент предикатива ДПС изначально порождается в той же клаузе и не подвергается операции подъема.

7. Выводы

Анализ показал, что две группы связочных предикатов состояния, обсуждавшихся в русистике со времен Л. В. Щербы, образуют асимметричную систему, упорядоченную по признакам {±автореферентность}, т. е. отношению к говорящему, и {±внутреннее состояние}, т. е. наличию приоритетного экспериенциального аргумента.

Схема N_{DAT} — V_{LINK} — PRED (Дативно-Предикативная Структура, ДПС) обслуживает обширный класс предикативов и используется только для выражения

²⁴ За вычетом тропов типа *Самолету трудно пролететь через ущелье*, *Кабинету министров было неприятно вводить налог* и т. п., где механизм или организация уподобляется живому организму.

внутренних состояний. Подавляющее большинство предикативов ДПС автореферентны и обозначают слабо контролируемые ситуации, допускающие интроспективное описание носителем состояния в актуальном настоящем времени (*мне трудно, интересно, приятно* и т. п.). Отклонения связаны с лексическим значением отдельных предикативов ДПС, ориентированных на не-1 л. (*Чтоб тебе было пусто! Так ему и надо*), но автореферентные употребления возможны и при данных предикативах.

Схема $N_{\text{NOM}} - V_{\text{LINK}} - \text{PRED}$ не соответствует единому подтипу стативных значений: по ней строятся как внешние (*Х в сюртуке, Х в городе, Х замужем, Х сродни Y-у, Х у Y-а на посылках*), так и внутренние состояния; к ней также принадлежат амбивалентные предикаты (*наготове, наизготове*). Употребление предикатов внутреннего состояния, семантический субъект которых оформляется им. п., покрывает широкий спектр ситуаций — от полностью неконтролируемых (*быть в беспамятстве*) до ограниченно контролируемых (*быть не прочь / не в форме / не в духе / в ярости*). Автореферентные употребления имеют только предикативы последней подгруппы, при этом наличие единиц, ориентированных на 1 л., для схемы $N_{\text{NOM}} - V_{\text{LINK}} - \text{PRED}$ не доказано. Словарное описание элементов, обслуживаемых схемой $N_{\text{NOM}} - V_{\text{LINK}} - \text{PRED}$, затруднено в силу того, что многие предикаты внутреннего состояния не вполне оторвались от своих синтаксических источников — свободных сочетаний на основе предложной группы (*быть в расстройстве чувств* $\Rightarrow$ *быть в расстройстве*). Регулярные или спорадические автореферентные употребления предикативов типа *быть в ярости, быть не прочь* прямо или косвенно свидетельствуют об их фразеологизации и вовлечении в словарь конструкции.

Литература

- Апресян 1985 — *Апресян Ю. Д.* Синтаксические признаки лексем // *Russian linguistics*. 1985. Vol. 9. No. 2–3. P. 289–317.
- Апресян, Иомдин 2010 — *Апресян Ю. Д., Иомдин Л. Л.* Конструкции малого синтаксиса // *Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З.* Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря. М., 2010. С. 59–280.
- Баранов, Вознесенская 2017 — *Баранов А. Н., Вознесенская М. М.* Идиоматика пьянства в корпусном измерении // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Вып. 15 (23). Т. 2. М., 2017. С. 45 — 54.
- Бондарко 1987 — *Бондарко А. В.* Введение. Основания функциональной грамматики // *Функциональная грамматика. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность*. Таксис. Л., 1987. С. 5 — 39.
- Бондарко 1991 — *Бондарко А. В.* Семантика лица // *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. Л., 1991. С. 5–40.
- Бондарко 2010 — *Бондарко А. В.* О типах категорий в системе грамматики // *Проблемы грамматики и типологии*. Сб. ст. памяти В. П. Недялкова. М., 2010. С. 59–76.
- Булыгина 1982 — *Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // *Семантические типы предикатов*. М., 1982. С. 7–85.
- Булыгина, Шмелев 1991 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенноличности и обобщенноличности // *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. Л., 1991. С. 5–40.

- Булыгина, Шмелев 1997 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Бюлер 1993 — Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993.
- Виноградов 1972 — *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
- Вригт 1986 — *Вригт Г. Х.* Гетерологический парадокс // Вригт Г. Х. Избранные труды. М., 1986. С. 449–482.
- Гладкий, Мельчук 1969 — *Гладкий А. В., Мельчук И. А.* Элементы математической лингвистики. М., 1969.
- Дымарский 2017 — *Дымарский М. Я.* Протодейксис, предикация и состав предикативных категорий высказывания // Проблемы функциональной грамматики. Предикативные категории в высказывании и целостном тексте. М., 2017. С. 57–85.
- Зализняк 1995 — *Зализняк Анна А.* Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München, 1995.
- Зализняк 2006 — *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
- Иванова 2016 — *Иванова Е. Ю.* Безличные предложения с обязательным местоименным выражением экспериенцера в болгарском языке // Архитектура клаузы в параметрических моделях. М., 2016. С. 332–368.
- Ильенко 2016 — *Ильенко С. Г.* (под общ. ред.). Современный русский язык: синтаксис. Учебник для академического бакалавриата. М., 2016.
- Исаченко 1955 — *Исаченко А. В.* О возникновении и развитии «категории состояния» в славянских языках // Вопросы языкознания. 1955. № 6. С. 48–65.
- Исаченко 1965 — *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Т. 1. Братислава, 1954–1965.
- Каспэ 2017 — *Каспэ И. М.* Утопическое чтение: к вопросу о герметичности «Утопии» Томаса Мора // Russian Sociological Review. 2017. Vol. 16. № 1. P. 101–125.
- Кибрик, Плунгян 1997 — *Кибрик А. А., Плунгян В. А.* Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Сборник обзоров. М., 1997. С. 276–339.
- Кустова 2002 — *Кустова Г. И.* О типах производных значений слова с экспериенциальной семантикой // Вопросы языкознания. 2002. № 2. С. 16–34.
- Летучий 2018 — *Летучий А. Б.* Предикатив или прилагательное? Русские конструкции с полувспомогательными глаголами и прилагательными (типа Я считаю нужным участвовать) // Вопросы языкознания, 2018, № 2, С. 7 — 28.
- Лютикова, Циммерлинг 2017 — *Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В.* Параметрическая грамматика и семантика // Типология морфосинтаксических параметров, вып. 4. Труды международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2017». М., 2017. С. 45–63.
- Матханова 2000 — *Матханова И. П.* Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке. Новосибирск, 2000.
- Матханова 2005 — *Матханова И. П.* Поле состояния в современном русском языке: прототип и его окружение. // Бондарко А. В., (ред.). Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. Спб., 2005. С. 103 — 113.

- Матханова 2008 — *Матханова И.П.* Категориальные ситуации с семантикой нерезультативного состояния в русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Категоризация семантики. СПб. 2007. С. 268 — 287.
- Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Поспелов 1955 — *Поспелов Н. С.* В защиту категории состояния // Вопросы языкознания. 1955. № 2. С. 55–65.
- Селиверстова 1982 — *Селиверстова О. Н.* Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 86–157.
- ТФГ 1987 — Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- ТФГ 1990 — Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
- ТФГ 1991 — Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. Л., 1991.
- Циммерлинг 1998 — *Циммерлинг А. В.* История одной полемики // Язык и речевая деятельность. 1998. № 1. С. 63–87.
- Циммерлинг 1999 — *Циммерлинг А. В.* Субъект состояния и субъект оценки // Логический анализ естественного языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 221–228.
- Циммерлинг 2000а — *Циммерлинг А. В.* Американская лингвистика сегодняшнего дня глазами отечественных языковедов // Вопросы языкознания. 2000. № 2. С. 118–133.
- Циммерлинг 2012 — *Циммерлинг А. В.* Неканонические подлежащие в русском языке // От значения к форме, от формы к значению: Сборник статей в честь 80-летия Александра Владимировича Бондарко. М., 2012. С. 568–590.
- Циммерлинг 2017а — *Циммерлинг А. В.* Внутри и снаружи. К типологии предикатов состояния // Логический анализ языка. Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке. М., 2017. С. 17–41.
- Циммерлинг 2017б — *Циммерлинг А. В.* Есть ли согласование? Конкуренция предикативов и согласуемых прилагательных в русском языке // Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 4. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2017». М., 2017. С. 45 — 63.
- Циммерлинг 2017в — *Циммерлинг А. В.* Русские предикативы в зеркале эксперимента и корпусной грамматики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 15 (23). Т. 2. М., 2017. С. 466–482..
- Циммерлинг 2018а — *Циммерлинг А.В.* Два диалекта русской грамматики: корпусные данные и модель // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии.» Вып. 17 (24), 2018. С. 818 — 830.
- Циммерлинг 2018б — *Циммерлинг А. В.* Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 7–33.
- Циммерлинг 2018в — *Циммерлинг А. В.* Предикативы и предикаты состояния в русском языке // Slavistična revija. 2018. № 1. С. 36–55

- Циммерлинг 2018г — *Циммерлинг А. В.* Так и надо: нужны ли эндоклитики в описании русской грамматики? // Русский язык в научном освещении. 2018. № 36. С. 159 — 179.
- Циммерлинг 2019 — *Циммерлинг А.В.* Эпистемические предикаты и ментальные состояния // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. — М.: Гнозис, 2019. С. 45 — 70.
- Шапиро 1955 — *Шапиро А. Б.* Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи? // Вопросы языкознания. 1955. № 2. С. 42–54.
- Шведова 1982 — *Шведова Н. Ю.* (отв. ред.). Русская грамматика. Т. 1. М., 1982.
- Щерба 1928 — *Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке // Русская речь. Новая серия. Вып. 2. Л., 1928. С. 5 — 27.
- Щерба 2008 — *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. 4-е изд. М., 2008.
- Ярославцева 2013 — *Ярославцева А. В.* Рекурсивность как свойство сновидений и интенциональных состояний // Грамота. 2013. № 10 (36). Ч. I. С. 214–219.
- Carlsson 1977 — *Carlsson G.* Reference to Kinds in English. PhD dissertation. University of California at Irvine, 1977.
- Chomsky 1965 — *Chomsky N.* Aspects of the theory of syntax. Cambridge, 1965.
- Davidson 1980 — *Davidson D.* The individuation of events // D. Davidson (ed.). Essays on Actions and Events. Oxford, 1980. P. 163–180.
- Hofstadter 1979 — *Hofstadter D. R.* Gödel, Escher, Bach: an Eternal Golden Braid. New York, 1979.
- Kratzer 1995 — *Kratzer A.* Stage Level and Individual Level Predicates. The Generic Book. G. Carlsson, F. J. Pelletier (eds.). Chicago, 1995. P. 125–175.
- Sperber 1972 — *Sperber W.* Ist die Zustandkategorie eine für die Beschreibung der Grammatik slawischer Sprachen notwendige Wortart? // Zeitschrift für Slawistik. 1972. Bd. 17. S. 402–409.
- Toporišič 1992 — *Toporišič J.* Enciklopedija slovenskega jezika [Encyclopedia of the Slovene language]. Ljubljana, 1992.
- Uhlik, Žele 2016 — *Uhlik M., Žele A.* Primerjalna analiza dveh tipov stavčnih zgradb s povedkovim določilom v slovenščini in ruščini // Slavistična revija. № 64 / 3. С. 385–400.
- Zimmerling 2009 — *Zimmerling A.* Dative subjects and semi-expletive pronouns in Russian // G. Zybatow, U. Junghanns, D. Lenertova, P. Biskup (eds.). Studies in Formal Slavic Phonology, Morphology, Syntax, Semantics and Discourse Structure [Linguistik International, Band 21]. Frankfurt-am-Main, 2009. P. 253–265.

А. В. Циммерлинг

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, главный научный сотрудник,

Московский педагогический государственный университет, профессор;

Институт языкознания РАН, ведущий научный сотрудник

fagraey64@hotmail.com